

К ВОПРОСУ О ГРАФИЧЕСКОМ ЭКВИВАLENTE ТЕКСТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена рассмотрению первых попыток использования графического эквивалента текста, динамики его употребления в русской поэзии XVII–XIX веков, жанрово-родовой принадлежности произведений с пропусками текста и некоторым особенностям внедрения данного графического приема в стихотворные тексты.

Ключевые слова: графика, графический эквивалент текста, пропуски текста.

Впервые понятие «эквивалент текста» употребил Ю.Н. Тынянов в работе «Проблема стихотворного языка» (1924) и определил его следующим образом: это «все так или иначе *заменяющие* его внесловесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичная замена элементами графическими и т.д.» [19, с. 43]. Позже идея Ю.Н. Тынянова была поддержана многими лингвистами и литературоведами.

Как правило, под эквивалентом понимается ряд точек, но ученые, в частности И.Э. Клюканов, обращают внимание, что «эквивалент текста» может быть заполнен и рядами точек, и рядами черточек, и рядами звездочек... Точки, многоточия, звездочки, черточки и проч. требуются для того, чтобы сделать отсутствие более наглядным и более отчетливо продемонстрировать величину пропуска» [13, с. 93]. В нашей работе мы будем придерживаться именно такой позиции.

Существуют различные синонимы обозначенного явления: «эквивалент текста» (Тынянов), «графический ряд точек» [3, с. 93], «пустые знаки» [18, с. 327], «вместотекстовый пробел», «пропущенный текст», «эквивалент письменно-печатного текста» [13, с. 93, 98], «пропуски текста» [4, с. 33], «графический эквивалент текста» [9, с. 17]. Из всех предлагаемых обозначений, на наш взгляд, наиболее адекватно передает сущность явления термин **графический эквивалент текста** (ГЭТ), т.е. графически выраженный, заменяющий словесный текст знаками. В нашей работе будем пользоваться этим термином, а остальные обозначения данного явления будут употребляться как синонимы.

ГЭТ являлся предметом внимания лингвистов Ю.С. Степанова [18], И.В. Арнольд [1], И.Э. Клюканова [12, 13] и др., а также литературоведов. Так, В. Марков, автор статьи «История од-

них точек» [15], сетует на то, что в русской поэзии нет сатирического гимна точкам. Классики отечественного литературоведения оставили попутные, но очень ценные замечания по поводу ГЭТ. Так, Ю.Н. Тынянов, которому принадлежит открытие этой темы, отметил случаи ГЭТ в произведениях А.С. Пушкина («К морю», «Недвижный страж», «Полководец», «Ненастный день потух...», «Евгений Онегин»), показал сознательность применения этого графического приема, «огромную смысловую силу эквивалента», «динамическое значение эквивалентов», а также его жанрообразующую роль [19, с. 46, 49]. В.В. Виноградов, рассуждая об употреблении слова в поэтическом языке А.С. Пушкина, писал о роли «графического ряда точек» в его стихотворении «Ненастный день потух...» [3, с. 93]. В.М. Жирмунский обозначил композиционную роль точек в поэмах А.С. Пушкина [8, с. 63–64]. Б.Я. Бухштаб указывал на незаконченность стихотворения «Лето» Некрасова, обозначенную с помощью двух строк точек [2, с. 57].

Позднее интерес к ГЭТ продолжает сохраняться у многих стиховедов и литературоведов: у А.А. Илюшина эквивалент текста рассматривается в связи с анализом строфики и рифмы «Горящих писем» Н.А. Некрасова [10]; у В.Е. Холщевникова – в связи с анализом композиции стихотворения А. Ахматовой «27 декабря 1940. Посвящение» [20, с. 174]; у В.А. Малкина – в связи с анализом приемов умолчания в произведениях Некрасова [14, с. 94, 99]; у А.М. Гаркави – в связи с вопросами некрасовской текстологии [7, с. 164–165].

В последние десятилетия появились работы, в которых анализ ГЭТ становится одним из главных вопросов. М.Д. Эльзон в статье «Об эпиграмме «Он у нас осьмое чудо...» изучает

историю и содержание «точек» в одном стихотворении Н.А. Некрасова [22]. Изучая происхождение и особенности «отрывка», В.Б. Сандомирская в работе «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов» отмечает, что эквивалент текста является элементом композиции данной художественной формы и относится к средству создания художественного впечатления отрывочности стихотворения [17]. И, наконец, отмечаем специальные работы о ГЭТ Г.Н. Вискалиной [4, 5, 6], где автор пытается обозначить ряд функций эквивалента текста, рассматривает жанрообразующую роль пропусков в балладах, посланиях, отрывках у различных поэтов, в том числе у Н.А. Некрасова. Е.И. Зейферт в своем диссертационном исследовании «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века» квалифицирует ГЭТ как графический признак жанра отрывка [9, с. 17–23]. Оге А. Ханзен-Леве в своей работе «Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа острания» говорит о том, что «чисто акустический анализ стиха упускает из вида все те факторы, которые Тынянов называет «эквивалентами текста» [16, с. 311]. Автор отмечает, что «эквиваленты текста, будь то композиционной или семантической природы, реализуются не на поверхности текста, а в «установке» реципиента, подобно тому как в виноградской теории сказа в качестве стилевых сигналов понимаются те признаки, которые могут фиксироваться не (только) на уровне текста, но и быть представлены в реципиенте – в его «апперцептивном фоне» [16, с. 311].

Не следует думать, что вопрос о графическом эквиваленте представляет интерес только для лингвистов и литературоведов. Он волновал и самих поэтов. Доказательством этого служат стихотворения с размышлениями о пропущенных строчках:

Дошел рассказа половины,
Я смелой напишу рукой
Ряд целый точек

.....
И от правил
Романтиков не отступлю:
Я точки в повестях люблю;

(В.Л. Пушкин. «Капитан Храбров»,
1828–1829),

С е д о в

Что значат эти точки
В начале и в конце?

Т е м н и л и н

Пропущенные строчки!

И Байрон так писал; так пишут все.

(К.П. Масальский. «<Из комедии
«Классик и романтик»>», 1830),

«О точки! тонкие намеки! / О недомолвки и тире!
/ Умней казались с вами строки! / Как не жалеть
о той поре?.. / Прилично сдержан, строго важен,
/ Как бы невольно молчалив, / Я был бездействуя
отважен, / Безмолвствуя – красноречив!»
(Н.А. Некрасов. «Журналист-рутинер», 1865);
«А вчера прислал по почте / Два загадочных письма:
/ В каждой строчке – только точки, – / Догадайся,
мол, сама. / И кто его знает, / На что намекает»
(М. Исаковский. «И кто его знает», 1938).

В нашей работе мы ограничимся обзором функционирования ГЭТ в русской поэзии XVII–XIX вв.: рассмотрим первые попытки использования эквивалента, жанрово-родовую принадлежность произведений с пропусками, динамику употребления ГЭТ и некоторые особенности внедрения данного графического приема в стихотворные тексты. Этот обзор проведем на материале 16061 поэтического произведения 244 поэтов, выявленном методом сплошной выборки в изданиях «Библиотеки поэта».

В ходе исследования выяснилось, что графический эквивалент применили 80 поэтов (32,8% от общего числа исследованных авторов). Количество стихотворных произведений с эквивалентом составило 423 текста (2,6% от общего числа текстов). Число выявленных ГЭТ за исследованный период русской поэзии – 817 случаев.

Первые указания на источник появления ГЭТ в русской поэзии находим в произведениях поэтов: у В.Л. Пушкина («Я точки в повестях люблю; / Лорд Байрон тысячи их ставил, / И подражатели его: / Гиро, Сумет, Виктор Гюго / Лишь точками известны стали»), у К.П. Масальского («Пропущенные строчки! / И Байрон так писал; так пишут все»). Поэты связывают функционирование «точек» с эпохой романтизма, с творчеством Дж. Байрона. Литературоведы тоже неоднократно отмечали заимствованность пропусков из поэзии Дж. Байрона ([8, с. 19], [4, с. 36], [9, с. 19]) и их появление в русской поэзии на рубеже

XVIII–XIX веков. По версии В.Б. Сандомирской, А.С. Пушкин прием замены стихов строками точек почерпнул из сборника Андре де Шенье (1765–1794), подготовленного А. де Латушем и изданного в 1819 г., где Латуш незавершенность и отсутствие частей текста обозначил строками точек (об этом см.: [17, с. 72-74]). Однако данная гипотеза имеет отношение к формированию жанра отрывка.

Несомненно, влияние творчества Дж. Байрона на русский романтизм велико. Возможно также, что русские поэты периода романтизма именно из сочинений Дж. Байрона извлекали способы использования ГЭТ. Возникает вопрос, а были ли подобные опыты в русской поэзии до того, как на нее стала оказывать влияние поэзия английского романтизма? Насколько нам известно, в отечественном литературоведении о более ранних стихотворных опытах с эквивалентом не упоминается. Мы попытаемся восполнить этот недостаток.

Первые два случая ГЭТ были обнаружены нами в поэзии Тимофея Акундинова 1646 года. Комментарии к данным пропускам в «Библиотеке поэта» отсутствуют. Это дает основание предполагать, что ГЭТ здесь не редакторские, а авторские:

шол смело против страшного Галиада
израильтянского верне бороняти стада.
.
Галиаду спясю дух и гордости забила.
(«<Декларация московскому
посольству>»),
Но лукавый гордого и враноподобного
обманул,
их в бучи лукавством потопил и сам в нем
утонул.
.
Царствовати ж устроил сына своего
митрополитанского.
(«<Декларация московскому
посольству>»)

Следующие два случая находим в «Сатире III. О различии страстей человеческих» (1730) А.Кантемира. В примечаниях об этих пропусках ничего не говорится, но копия автографа [11, с. 91] демонстрирует полный вариант слова «б...м» без эквивалента, поэтому предполагаем, что они редакторские:

К нему доступ и певцам, и сводникам
гнусным,
И б...м, и всех страстей затеям искусным,
Которых он полною горстью осыпает.
<...>
В с.....м горшке, в столчаке твоём
он признает
Дух мскусный и без стыда
подтверждать то станет.

Приблизительно к 1759 году относится текст (перевод Ювенала) с ГЭТ, написанный М.В. Ломоносовым:

. Коль святы те народы,
У коих полны все богами огороды!
(«Сатиры»)

Ясно, что эквивалент здесь указывает на отрывочность переведенного текста, но не ясно: авторский он или редакторский? Данный эквивалент не комментируется в «Библиотеке поэта», значит, предположительно отнесем его к авторскому пропуску.

Далее обнаруживаем ГЭТ в произведениях И.И. Хемницера («Эпиграмма /На всех не угодить, кому что повкусняе.../», 1770–1780-е), Ю.А. Нелединского-Мелецкого («Письмо к Дарье Ивановне Головиной из Витебска», 1783–1785), П.А. Словцова («Послание к М.М. Сперанскому», 1794), Н.М. Карамзина, Н.П. Николева («Отец отечества», 1796), А.И. Клушина («К Е... Е И... Е Б.», 1797), А. Протопопова («Послание к сочинителю сатир», 1797), А. Максимовича («К поэту», 1798) и др. Например:

На всех не угодить, кому что повкусняе,
Кто тонко чувствует, кто чувствует грубее.
Я пред ..., конечно, виноват...
(И.И. Хемницер),
Да вам что сделалось? Лобанов, К...ева,
Наш прапорщик Блахин, еще забыл другого...
(Ю.А. Нелединский-Мелецкий)

До 1813 года графический эквивалент использовался крайне редко (3,5% случаев от 817) в небольшом количестве текстов (4,5% произведений от 423) у 20 поэтов (25%). Эти данные свидетельствуют о том, что ГЭТ, видимо, только-только «завоевывал» свое место среди других поэтических средств выразительности, поэтому

и не был широко распространенным приемом, несмотря на интерес и внимание многих поэтов к эксперименту с пропусками. В XVIII веке ГЭТ применялся с перерывами в 10–20 лет, а на рубеже XVIII–XIX вв. – в 1–2 года. С 1813 по 1870-е гг. эквивалент практически не исчезает из стихотворных произведений русских поэтов. Пик активности в использовании ГЭТ приходится на 1823–1831 годы (39,9% случаев) – эпоху романтизма. После 1846 года наблюдается спад творческого интереса поэтов к данному приему, тем не менее, он не теряет своей актуальности и применяется стабильно, привлекая все новых и новых поэтов. Уже второй раз (первый раз – в связи с курсивом) мы отмечаем повышенную заинтересованность русских романтиков проблемами формы стиха. Очевидно, что романтизм отличается не только поиском новых жанровых форм, но и развитием возможностей средств поэтической выразительности. Здесь напрашиваются ассоциации с периодом модернизма и неомодернизма, когда поэты, активно разрабатывая новые графические приемы, уделяют огромное внимание графическому облику поэтических произведений («зеркальные строки»¹ В. Шершеневича, игра со шрифтом А. Крученых и др.).

Обзор исследуемого материала позволил выявить круг поэтов, наиболее часто по количеству случаев и произведений (в сравнении с другими) использовавших ГЭТ в своих стихотворных текстах: А.С. Пушкин (149 случаев в 80 произведениях), М.Ю. Лермонтов (70 случаев в 30 произведениях), Н.А. Некрасов (81 случай в 44 произведениях), А.И. Полежаев (84 случая в 22 произведениях), А.К. Толстой (53 случая в 19 произведениях). К ним примыкают: Ф.Н. Глинка (37 случаев в 4 произведениях), К.Ф. Рылеев (20 случаев в 11 произведениях), Н.М. Языков (37 случаев в 16 произведениях), В.Г. Бенедиктов (11 случаев в 10 произведениях), И.С. Тургенев (31 случай в 11 произведениях), Я.П. Полонский (18 случаев в 14 произведениях), Н.Ф. Щербина (10 случаев в 10 произведениях), Ап. Григорьев (31 случай в 13 произведениях), А.Н. Майков (11 случаев в 9 произведениях), А.Н. Апухтин (15 случаев в 11 произведениях), Д. Минаев (20 случаев в 2 произведениях).

Наши наблюдения показали, что каждый из поэтов не только опирался на традицию

применения ГЭТ предшественниками и современниками, но и был индивидуален в использовании эквивалента. Приведем самые яркие факты, способствующие пониманию того, что ГЭТ – очень гибкий прием, имеющий богатый потенциал и позволяющий избежать однообразия в его использовании. Например, ГЭТ в стихотворении А.А. Дельвига «Пиит и эхо» (1813):

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль рондо, иль маленький сонет!
Э. нет.
П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?
Э. да.
П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?
Э. шутишь.

Это необычная находка поэта: с помощью эквивалента А.А. Дельвиг воссоздает живое звучание эха, и подобным образом эхо включается в диалог с пиитом.

Еще в одном стихотворении Дельвига «К А.Д. Илличевскому» (1817):

Готовься ж слышать предвещанья,
Страшись сей груди трепетанья
И беспорядка сих власов!
Все, все грядущее открою!
Читай, – написаны судьбою
Вот строки невидимых слов.
.
.

Здесь, в конце текста, ГЭТ подготовлен вербально, созданием нарастающей интриги (что же «написано судьбою?»), которая не разрешается в заключение, а достигает своего апогея.

Или, к примеру, стихотворение «Фанты» (1863) Д. Минаева написано катренами, почти в каждом из которых содержится загадка: «Новая литера: *Буки!* / Кто, русский эпос прославив, / Сделался дивом науки? / Кто же?.. – *Б...*». Подобные ГЭТ (18 случаев) представлены здесь многоточием после заглавной буквы и скрывают разгадку – ту или иную фамилию (в авторской сноске приводятся разгадки всех загадок).

¹«Зеркальные строки» – строки стихотворения, выровненные не по левой, а по правой стороне листа (см., например, стихотворения Шершеневича [21, с. 87–152]).

Своеобразным помощником в разгадке служит окончание предшествующей строки, оставшееся без созвучия.

Приведенные факты, без сомнения, свидетельствуют о том, что ГЭТ мыслился поэтами как прием с широкими возможностями, который в различных контекстах несет различную семантическую нагрузку, который требует особого мастерства в его использовании, чтобы стать разгадываемым знаком, знаком замены именно того, что задумал поэт.

Помимо этого, хотелось бы отметить нечастые эксперименты поэтов с совмещением двух графических приемов, когда с помощью ГЭТ изображается «лесенка», например:

Ф е т и <...>
И голос мой тогда бы с высоты,
Подобно грому божьему, раздался:
О люди, на колени!.. Не предо мною, люди, –
Пред искусством!
. А ныне что я?
.

(И.И. Панаев. «Два отрывка из большой драматической гресы «Доминикино Фети, или Непризнанный гений»)

Взглянули, вскрикнули и тут же вместе
От ужаса взаимного, внезапно,
Упали мертвыми.
.
. И мир был пуст;
Тот многолюдный мир, могучий мир
(И.С. Тургенев. «Тьма»)

Такие случаи встречаем также у В.Л. Пушкина («Капитан Храбров»), Ап. Григорьева («Встреча») и др.

Итак, ГЭТ в русской поэзии появляется с середины XVII в. Графический эквивалент более распространен в лирике и эпосе, чем в драме (вероятно, потому что драматическое произведение предназначено прежде всего для устного воспроизведения). На период романтизма приходится активизация творческого интереса и пристального внимания русских поэтов к данному приему. Эксперименты с ГЭТ привлекали многих поэтов, но опыты их были немногочисленны. Несмотря на это, поэты постоянно демонстрировали богатейший потенциал возможностей применения эквивалента. Широкие хронологические границы функционирования пропусков текста и динамика их использования убеждают нас в том, что ГЭТ в исследованный период был постоянным объектом внимания у русских поэтов.

30.08.2010

Список использованной литературы:

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
2. Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Статьи и исследования. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 352 с.
3. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999. – 704 с.
4. Вискалина Г.Н. Пропуски текста как жанрообразующий принцип // Поэтика жанра. Сб. научных трудов (межвузовский) / Отв. ред. Т.Т. Савченко. – Караганда, 1992. – С. 33-42.
5. Вискалина Г.Н. Пропуски текста в эпиграммах // Тезисы докладов межвузовской конференции «Букетовские чтения». – Караганда: Изд. Кар. ГУ, 1992. Часть IV. – С. 27-28.
6. Вискалина Г.Н. Пропуски текста у Н.А. Некрасова // Современное прочтение Н.А. Некрасова. V Некрасовские чтения. Тез. выступлений. – Ярославль, 1990. – С. 33-34.
7. Гаркави А.М. Состояние и задачи некрасовской текстологии // Некрасовский сборник, V. Поэзия любви и гнева / Отв. ред. Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1973. – С. 151-173.
8. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978. – 424 с.
9. Зейферт Е.И. Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1999. – 204 с.
10. Илюшин А.А. Из наблюдений над стихом Некрасова // Некрасовский сборник, V. Поэзия любви и гнева / Отв. ред. Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1973. – С. 186-201.
11. Кантемир А. Собрание стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Прийма. Подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. – Л.: Сов. писатель, 1956. – 548 с. – (Библиотека поэта. Бол. серия).
12. Клюканов И.Э. К функциональной характеристике графических приёмов // Стилистика художественной речи: Межвуз. темат. сб. / Отв. ред. Р.Р. Гельгардт. – Калинин: КГУ, 1982. – С. 58-76.
13. Клюканов И.Э. Структура и функционирование параграфемных элементов текста: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1983. – 150 с.
14. Малкин В.А. Фигура умолчания в произведениях Н.А. Некрасова // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Сборник статей / Науч. ред. С.Г. Лазутин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – С. 91-100.
15. Марков В. История одних точек // Литературное обозрение. – 1991. – №11. – С. 44-46.
16. Оге А. Ханзен-Лёве. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
17. Сандомирская В.Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. – Л.: Наука, 1979. – С. 69-82.

18. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 695 с.
19. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – 303 с.
20. Холшевников В.Е. Стихovedение и поэзия. – Л.: ЛГУ, 1991. – 254 с.
21. Шершеневич В. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.А. Кобринского. – СПб.: Академический проект, 2000. – 368 с. – (Новая библиотека поэта. Малая серия).
22. Эльзон М.Д. Об эпиграмме «Он у нас осьмое чудо...» // Некрасовский сборник, VIII / Отв. ред. Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1983. – С. 109-111.

Сведения об авторе:

Борисова Ирина Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

Borisova I.M.

To the question of the text graphic equivalent in Russian poetry

This article is devoted to the consideration of the first attempts of the text graphic equivalent use, its dynamics of use in Russian poetry of XVII-XIX centuries, genre-gender belonging to works with text gaps and some peculiarities of this graphic method introduction into written texts.

Key words: graphic method, text equivalent, text graphic equivalent, text gaps.

Bibliography:

1. Arnold I.V. Stylistic of modern English language. – L: Education, 1981. 295 p.
2. Buhshstab B. Ja. N.A.Nekrasov. Creativity problems. Articles and researches. – L: the Soviet writer, 1989. 352 p.
3. Vinogradov V.V. Stil Pushkin. – M: the Science, 1999. 704 p.
4. Viskalina G.N. Text gaps as genre forming a principle // Genre Poetics. The collection of proceedings (interuniversity) / Editor-in-chief T.T. Savchenko. – Karaganda, 1992. – P. 33-42.
5. Viskalina G.N. Text gaps in epigrams // Theses of reports of interuniversity conference «Buketovsky readings». – Karaganda: Publishing Kar.GU, 1992. IV. –P. 27-28.
6. Viskalina G.N. Gaps of the text at N.A.Nekrasov // N.A. Nekrasov's Modern perusal. V Nekrasovsky readings. Theses of performances. – Yaroslavl, 1990. – P. 33-34.
7. Garkavi A.M. Condition and problems некрасовской textual criticism // The Nekrasovsky collection, V. Love and anger poetry / Editor-in-chief F.J. Prijma. – L: the Science, 1973. – P. 151-173.
8. Zhirmunsky V.M. Byron and Pushkin. Pushkin and the western literatures. – L: the Science, 1978. 424 p.
9. Zeifert E.I. Genre of a fragment in Russian poetry of first third of XIX-th century: Dis. ...cand.phil.sci. Almaty, 1999. 204 p.
10. Ilyushin A.A. From supervision over Nekrasov's verse // The Nekrasovsky collection, V. Love and anger poetry / Editor-in-chief F.J. Prijma. – L: the Science, 1973. – P. 186-201.
11. Kantemir A. Sobranie of poems / F.J. Prijmy's Introductory article. Preparation of the text and Z.I.Gershkovich's note. – L: the Soviet writer, 1956. – 548 p. – (Library of the poet. The big series).
12. Kliukanov I.E. To the functional characteristic of graphic receptions // Stylistics of art speech: the Interuniversity thematic collection. / Editor-in-chief R.R.Gelgardt. – Kalinin: KGU, 1982. – P. 58-76.
13. Kliukanov I.E. Structure and functioning paragraph text elements: Dis. ...cand.phil.sci. Kalinin, 1983. 150 p.
14. Malkin V.A. A default figure in N.A.Nekrasov's products // Questions of poetics of the literature and folklore. The collection of articles / Scientific edition S.G. Lazutin. – Voronezh: Publishing house Voronezh. University, 1974. – P. 91-100.
15. Markov V. Istorija of one points // Literary obozrenie. – 1991. – №11. – P. 44-46.
16. Oge A. Hanzen-Lyove. Russian formalism. Methodological reconstruction of development on the basis of a distancing principle. – M: Languages of Russian culture, 2001. 672 p.
17. Sandomirsky V.B. «Fragment» in Pushkin's poetry of the twentieth years // Pushkin. Researches and materials. Volume IX. – L: the Science, 1979. – P. 69-82.
18. Stepanov J.U.S. French stylistics. – M: the Higher school, 1965. – 695 p.
19. Tyntanov J. Problema of poetic language. Articles. – M: the Soviet writer, 1965. – 303 p.
20. Holshevnikov V. E. Prosody and poetry. – L: the Leningrad state university, 1991. – 254 p.
21. Shershenевич V. Stihotvorenija and poems / Introductory article, preparation of the text and A.A. Kobrin's note. – SPb.: the academic project, 2000. – 368 p. – (New library of the poet. A small series).
22. Elzon M.D. About an epigram «He at us the eighth a miracle...» // The Nekrasovsky collection, VIII / Editor-in-chief F.J. Prijma. – L: the Science, 1983. – P. 109-111.